

Е. А. Нестерова*Москва, Россия***СПЕЦИФИКА СЮЖЕТНОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА
В ТВОРЧЕСТВЕ Дж. Р. Р. ТОЛКИЕНА**

В XX в. повторение сюжета, ранее бытовавшего в мифологиях, для которых характерно появление вариантов одного мифа, и в форме «бродячих» сюжетов, переходит в рамки творчества одного писателя. Толкиен использует в цикле произведений об Арде сюжет любви человека к бессмертной. Для мифологического сознания повторение чего-либо – значимое, несущее специфический смысл событие. Анализ произведений доказывает, что использование Толкиеном повторения сюжета вносит в произведения весь комплекс архаических представлений о повторе событий. Одна из функций этого приема – реконструкция архаического мировосприятия. Повторение выступает как средство формирования контекста, тогда как нормальным является влияние контекста на сюжет. В произведениях Толкиена об Арде взаимосвязь сюжетов функционирует как особый тип композиции.

Ключевые слова: Дж. Р. Р. Толкиен, фэнтези, параллельные сюжеты, аспекты мифа, М. Элиаде, «первоначальное время», архаическое сознание, сакральное повторение.

Параллельные – повторяющиеся, или аналогичные – сюжеты широко распространены в мировой литературе. Генетически связанные сюжеты обозначаются термином «бродячие»: этот пласт подробно исследовался на протяжении XIX–XX вв. Менее исследована сфера типологических совпадений, которые, кроме того, рассматриваются в основном на материале примитивных мифологий удаленных частей света. В XX в. возникает еще один тип параллельности сюжетов: творчество одного писателя представляет собой «проработку» одного сюжета (и его вариаций). Данная работа обращается к анализу параллелизма последнего типа, точнее, анализу вариации одного сюжета: любви смертного и бессмертной.

Любовь смертного (человека) к бессмертной (принцессе) – один из базовых сюжетов в произведениях английского писателя Дж. Р. Р. Толкиена. Аналогичный сюжет можно найти в большинстве мифологий мира, однако в данном случае прототипом выступают кельтские мифы. Образ народа эльдар Толкиена ближе всего именно к образам Туата Де Дананн, «Племен Богини Дану», т. е. сидам (кельтск. «эльф») – божественному народу кельтских преданий. Кроме того, Толкиен часто обращается за вдохновением именно к материалам кельтских сказаний.

Нестерова Евдокия Антоновна – аспирантка, кафедра теории литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, Москва, 119991, Россия; teorlit@philol.msu.ru; +7 (495) 939 36 48)

Любовь смертного и бессмертной – «одна из излюбленных тем кельтских саг» [1, т. 2, с. 466]. Однако Толкиен существенно трансформирует исходный мотив. Ключевыми можно считать два момента. Во-первых, в большинстве преданий речь не идет о любви как таковой: описывая влюбленность героев в сиду, Мелетинский пишет: «...любовная страсть рисуется как губительная болезнь, порожденная колдовскими чарами». Действительно, обычно сида пением или колдовством влюбляет в себя героя, увлекает его за собой (иногда заставляя оставить законную жену¹) в Страну Женщин.

В творчестве Толкиена этот сюжет использован по меньшей мере дважды²: в Повести о Берене и Лютиэн из «Сильмариллиона» и в истории Арагорна и Арвен во «Властелине Колец». В обоих случаях описано глубокое, естественное, а не вызванное колдовством чувство (хотя более ранняя Повесть о Берене и Лютиэн начинается с традиционного мотива эльфийского пения, Лютиэн, напротив, расколдовывает Берена после пережитых им ужасов войны). При этом испытывают это чувство и человек, и эльфийка: «...когда она взглянула на него, судьба ее определилась, и она полюбила его»³ – сказано о Лютиэн. А когда Арагорн принимает решение умереть прежде, чем старость и болезнь убьют его, Арвен «сломлена горем»⁴.

Во-вторых, в мифах, если человек оставался со своей возлюбленной из народа Туата, он покидал земли людей и становился неподвластен времени. Так Бран, главный герой «Плавания Брана, сына Фебала», остается в Стране Женщин, и «о странствиях его с той поры ничего не известно» [6, с. 673]. Также и о Кондле («Исчезновение Кондлы, сына Конда ста битв») «никто больше не слышал» [7, с. 273]. Сиды живут на особом острове, где время течет иначе, чем в мире людей, и где «неведома горесть, нет ни капли зла; без скорби, без печали, без смерти, без болезней, без дряхлости. Они избыли дряхлость и смерть» (Песнь женщины из «Плавания Брана...»).

Напротив, никто в Арде не способен сделать человека бессмертным. В Арде не все эльдар живут в Валиноре, большая их часть обитает бок о бок с людьми в Средиземье. Эльдар бессмертны, хотя их можно убить (оружием или иным насильственным способом). Эльдар бессмертны, поскольку их судьба – быть связанными с миром до его конца. Людям же дан «дар» свободы: их жизнь коротка, и они не успевают утомиться горестями мира, умирая рано. Однако и после смерти судьбы этих народов различны: эльдар покинуть мир не могут, а судьба людей никому не известна⁵. Но известно, что любящие будут после конца мира разлучены навечно, если не принадлежат к одному народу. По некоторым причинам (мать Лютиэн не эльф, а Майэ – она из народа Младших Духов – Творцов Арды) Лютиэн (а затем и ее потомки) единственные из всех эльдар имеют право выбирать свою судьбу. Лютиэн и Арвен могут остаться со своим народом и жить вечно

¹ См. предание «Морвэн из Лесных Земель» [2, с. 294] и «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк» [3, с. 296].

² Вариацией этого сюжета можно считать трагическую любовь эльды Айканаро, брата Финрода Фелагунда, к смертной женщине – Андрет. Эта история заканчивается их расставанием, вскоре после которого Айканаро гибнет в сражении.

³ Перевод здесь и далее мой. – Е. Н. «As she looked on him, doom fell upon her, and she loved him» [4, p. 199].

⁴ «She was overborne by her grief» [5, p. 1393].

⁵ «Ты принесешь одному из нас, тебе или мне, горькую разлуку после конца мира»: You bring one of us, you or me, to a bitter parting beyond the end of the world [5, p. 1389].

(пока есть мир), храня память о своей любви «вечно юной»⁶. Или – самим стать смертными, что, однако, не делает их жизнь менее длинной. Таким образом, разлука возлюбленных в Арде приобретает особое звучание: обеим эльфийкам придется прожить долгую эльфийскую жизнь, похоронив мужей⁷.

История Арагорна и Арвен и история любви Берена к Люттиэн схожи по нескольким параметрам.

1. Близость событий и сходство элементов сюжета.

Наследник престола людей (лишенный трона) встречает в скитаниях дочь короля эльфов. Они понимают, что любят друг друга, однако полагают, что им не суждено быть вместе: отец Люттиэн назначает непомерную цену за свое согласие на брак дочери в надежде, что претендент погибнет, пытаясь выполнить его требования. Арагорну отец Арвен Элронд говорит, что его дочь «Арвен Вечерняя Звезда не уменьшит благодать своей жизни ради малой причины. Она не станет невестой человека меньшего, чем Король Гондора и Арнора»⁸. Фактически это означает, что Арагорн должен выиграть войну с Сауроном и восстановить древние владения своих предков (Арнор к этому моменту не существует как государство). Саурон – величайший из Младших Богов. В предыдущую войну одолеть его не смогли объединенные силы эльдар и людей. Арагорн же располагает только силами людей. Берену выжить и исполнить поручение Тингола помогает магия его дочери, сбегавшей из дома, чтобы помочь возлюбленному. Арагорну помогает майя Гэндальф, миссия которого – победить Саурана. И Люттиэн, и Арвен избирают смертный удел, становясь женами людей.

2. Сходна организация текста, способ включения повествования об этих событиях в общую структуру.

«Сильмариллион» разделен на небольшие фрагменты, каждый из которых посвящен одному «событию» – одной битве или судьбе одного героя, наподобие хроникальных записей или отдельных преданий. Повесть о Люттиэн и Берене – один из таких фрагментов. «Властелин Колец» организован иначе, здесь есть сплошное непрерывное повествование о едином «событии» – Походе Братства; он делится лишь на короткие главы, не являющиеся цельными частями текста. Тем не менее история Арагорна и Арвен в основном тексте книги практически не представлена, а вынесена в Аппендикс А, часть V: «Здесь следует часть истории об Арагорне и Арвен»⁹. Таким образом, хотя этот отрывок *Анналов Королей* значительно меньше, чем Повесть о Люттиэн, способ представления историй аналогичен.

3. Близка стилистика повествований и функции данного сюжета в обоих произведениях.

Не являясь ключевыми для развития основного сюжета, эти повествования и чувства героев (дающие им надежду) влияют на общий ход истории.

4. Герои напрямую связаны между собой.

Арвен – потомок Люттиэн, Арагорн – потомок Берена.

В момент, когда Арагорн впервые видит Арвен, он называет ее Тинувиэль, соловей: именно так называл Берен Люттиэн, когда встретил ее впервые. Сами эльфы

⁶ «Унеси на Запад память о днях, проведенных вместе, и там она будет вечно юной, но лишь памятью, и ничем больше»: Bear away into the West the memory of our days together that shall there be evergreen but never more than memory [5, p. 1394].

⁷ «Арвен стала смертной женщиной, и все же, ее долей не было умереть прежде, чем она потеряет все, что обрела»: Arwen became as a mortal woman, and yet it was not her lot to die until all that she had gained was lost [5, p. 1393].

⁸ «Arwen Undomiel shall not diminish her life's grace for less cause. She shall not be the bride of any Man less than the King of both Gondor and Arnor» [5, p. 1389].

⁹ «Here follows a part of the tale of Aragorn and Arwen» [5, p. 1385].

говорят об Арвен, что она вновь принесла в мир красоту прекраснейшей из живущих – так говорили раньше о Люттиэн¹⁰. Все знакомство Арагорна и Арвен пронизано мотивами Повести о Лейтиан: Арвен надеется, что ее судьба будет иной, чем у Люттиэн, Арагорн, удивляясь, что никогда не видел ее прежде, хотя живет у Элронда (ее отца) с детства, спрашивает, не запер ли ее тот, намекая на то, что Тингол силой удерживал дома Люттиэн. Отец Арвен задолго до того, как его дочь сделает выбор, опасается, что для нее «смертный удел рано или поздно покажется слишком горьким»¹¹. Однако его дочь делает выбор и говорит Арагорну, прощаясь с ним перед началом войны: «Выбор Люттиэн и мой, и, как и она, так же выбрала и я, одинаково сладкий и горький жребий»¹². Как видно, герои сами ассоциируют себя из-за схожей судьбы со своими предками, отчасти даже предугадывают для себя такую же участь, видя в себе аналогию с Береном и Люттиэн.

Если брать эти произведения не в рамках цикла, а как замкнутые, не взаимосвязанные тексты, реализация сюжета любви смертного и бессмертного в «Сильмариллионе» и «Властелине Колец» с точки зрения архитектоники идентична. Это один и тот же сюжет, не видоизмененный, поскольку не происходит смены функции сюжета. Под различием функции В. Шкловский понимает разницу в целях при сходстве, однотипности событий или героев в повествовании: «Функции действующих лиц похожи на функции героев волшебной сказки. Но в романе, как и в других произведениях этого автора, – другая цель. Какое отличие от сказки? То, что целью повести является показ народного бунта...» [8, с. 219–220]. И «Сильмариллион», и «Властелин Колец» достаточно близки стилистически и морфологически, так что различия в жанре не создают различного контекста, не происходит приращения смысла, сюжет не получает отличной эмоциональной или семантической нагрузки от своего окружения.

Однако «поэтическая речь не знает абсолютного семантического повтора» [9, с. 78]. Ю. М. Лотман утверждает, что при всяком повторе (будь то слова в стихотворении или сюжет в прозаическом произведении) повторяемый элемент, «входя в разные контексты, приобретает все время новую семантико-эмоциональную окраску» [9, с. 83]. В случае анализируемых произведений само повторение сюжета становится своего рода контекстом, тем окружением, которое сопутствует второму появлению этого сюжета и создает его специфику. Второе есть не повторение, а обращение, возврат к первому.

Цикл об Арде представляет собой авторское мифотворчество [10; 11], что позволяет нам сравнить некоторые черты этих произведений с «аспектами» мифа, разработанными культурологом и религиоведом Мирчей Элиаде. В частности, исследователь посвящает значительное место анализу роли повторений в мифологии. Элиаде, исследуя структуру мифологии современных первобытно организованных обществ, делает следующие выводы.

Архаическое, или мифологическое, сознание (Элиаде проводит черту между архаичным и современным миропониманием весьма рано: возникновение иудейского мессианства знаменует начало «исторического», исключительно однократного понимания развития времени, т. е. истории и мира) воспринимает время су-

¹⁰ «Арвен, дочь Элронда, о которой говорили, что в ней вновь ступает по земле облик Люттиэн»: Arwen, daughter of Elrond, in whom it was said that the likeness of Luthien had come on earth again [5, p. 296].

¹¹ «I fear that to Arwen Undomiel the Doom of Men may seem hard at the ending» [5, p. 1391].

¹² «Mine is the choice of Luthien, and as she so have I chosen, both the sweet and the bitter» [5, p. 1276].

шественно иначе, чем мы. Дело не только в том, что первобытные общества за счет близости к природе ориентируются на природные циклы и воспринимают всё в мире повторяющимся. Значительно важнее тот факт, что для мифологического сознания время в самом себе несет ослабление, уменьшение сил всего существующего, самого мира. Время уже есть отклонение от божественного порядка, в котором событий в нашем понимании быть не может¹³. «Разрушающее время было мирским временем, собственно длительностью» [12, с. 288]. Однако миру можно вернуть его былое изобилие и первоначальные силы посредством ритуала, который есть повторение архетипического действия божества.

С точки зрения первобытного сознания вещи и факты «обретают свою *реальность*, свою *подлинность* лишь в той мере, в какой они причастны к трансцендентной реальности. Действие обретает смысл, *реальность* исключительно в той мере, в какой оно возобновляет некое прадействие» [12, с. 26]. Собственно, в этом и состоит смысл ритуалов и обрядов: через повторение действий бога или культурного героя, предка восстанавливается первоначальное состояние мира. Постоянное повторение есть способ избежать времени, истории¹⁴.

Сакральное действие поэтому теснейшим образом связано с мифом: одно и то же действие (брак, приготовление пищи, прием гостей) может быть как мирским, так и ритуальным в зависимости от того, обращаются ли в момент его совершения только к прагматической его стороне и смыслу, или оно совершается как ретрансляция действия бога.

В связи с сакральными действиями Элиаде обосновывает понятие «Первоначального (Священного) времени»: времени космогонии и создания уклада общества, это время образцовых действий. Празднование Нового года есть масштабное по характеру ритуальное действие, направленное на возрождение времени, восполнение сил мира, возвращение к первоначальному состоянию. Такое празднование состоит из воспроизведения комплекса действий первичного божества, то есть космогонии. Элиаде отмечает, что в большинстве случаев воспроизведение космогонического мифа является составной частью ритуалов исцеления, поскольку «все произносимое в ходе обряда реактуализирует мифическое время “источков”». В качестве образцовой модели всякого «творения» космогонический миф способен помочь больному “заново начать” свою жизнь» [13, с. 39–40].

«Создается впечатление, что для архаических обществ жизнь не может быть *исправлена*, она может быть лишь *сотворена заново* через возвращение к своим истокам. А истинный исток мыслится как извержение невероятной энергии, жизни и плодородия, которое сопровождало сотворение мира» [13, с. 40].

«Это вечное повторение космогонического акта... говорит о надежде на то, что время может исчезнуть в этот мифический момент, когда мир уничтожается и создается вновь». Священное время может быть возвращено и повторено бесчисленное множество раз. Каждое начинающееся вновь время вновь «неизношено», «чисто» и «свято» [12, с. 287].

«Сильмариллион» и «Властелин Колец» соотносятся между собой как мифология и эпос¹⁵ для некоторого условного народа. В условиях Арды предание о каком-либо событии не может приобрести черт и функций мифа в полном объ-

¹³ «В этих простейших человеческих обществах «историческая» память – воспоминание о событиях, которые не возводятся к какому-либо архетипу, о событиях «персональных» (грехах преимущественно), невыносимо» [12, с. 71].

¹⁴ «Время, протекающее между зарождением и настоящим моментом, “незначимо”, “недействительно” – и поэтому им пренебрегают или стараются его отменить» [13, с. 44].

¹⁵ Анализ соответствия «Властелина Колец» героическому эпосу см. в: [14].

еме в связи с тем, что эльфы (история которых в основном и составляет свод «мифологических» преданий) живут несравнимо дольше людей и являются носителями памяти об этих событиях. Миф есть описание времени, принципиально оторванного от времени, в котором существуем мы. В Арде же такого принципиального разрыва между временем, описанным в «Сильмариллионе», и временем «Властелина Колец» возникнуть не может. Поэтому «Сильмариллион» может выполнять лишь часть функций мифа для героев «Властелина Колец».

История любви Берена к Лютиэн может выступать образцовой моделью, как мифологическое предание, так как это первый случай любви смертного и бессмертного существ в Арде. Как пишет Элиаде, «скрытый смысл этого верования состоит в том, что только *первое явление какой-либо вещи* (или события, явления. – Е. Н.) *имеет значение*, все последующие ее появления такого значения не имеют» [13, с. 43].

Арагорн и Арвен любят друг друга не для того, чтобы воспроизвести историю Берена и Лютиэн как ритуальную или способную вернуть миру его силы. Однако Арагорн и Арвен находят в судьбе своих предков надежду на то, что их собственная история также приведет их к счастью вопреки тому, что мир находится на грани гибели. Во «Властелине Колец» именно любовь Арагорна к Арвен постоянно вводит в ткань повествования мотив надежды на успех Похода: Арагорн, вспоминая о возлюбленной, поет песню о Лютиэн; Арвен дает Фродо надежду на исцеление его ран по окончании Похода.

Таким образом, воспроизведение имевших место ранее событий, пусть оно не имеет ритуального характера и не обусловлено ничем, кроме воли самих персонажей, все равно привносит в мир гармонию, обновление. Связь с темой восстановления мира (свадьба короля после коронации, установление нового дня празднования Нового года и начало отсчета новой Эпохи¹⁶) демонстрирует весь комплекс представлений мифа о Вечном Возвращении, где воспроизведение определенных парадигматических жестов позволяет начать время заново, гармонизированным, наполненным силами и священным.

Повторение героями судьбы их далеких предков, совершивших когда-то *первое действие* и *впервые* соединивших судьбы двух Народов Арды, становится путеводной нитью для целого ряда событий, актуализирующих идеальное, первоначальное состояние мира: от исключения из него зла (победа над Сауроном) до восстановления древнего королевства людей.

Толкиен не только воспроизводит представление о времени как о циклическом явлении. Автор реализует в литературном мифе такие черты естественного мифологического сознания, как представление о единстве рода (разные поколения есть воплощения одной и той же личности, которой является сам род); понимание времени как отклонения, нарушения божественного порядка, и вера в возможность его восстановления через повторение архетипических действий (оба сюжета пронизаны надеждой, верой в возможность лучшего исхода на фоне общего настроения уверенности в гибели, провале и невозможности победы над злом). Конечно, эти представления претерпевают изменения в рамках литературного произведения, однако анализ показывает, что значительно большее, чем принято считать, число фактов текста (приемов и концептов) в произведениях Толкиена – мифологичны, отражают древний (возможно, даже более древний, чем отраженный в дошедших до нас мифологиях или эпосах) тип сознания.

¹⁶ О комплексе верований и обрядов, связанных с сакральными повторениями у различных народов, см.: [12, с. 55–82, 283–307].

Анализ параллелизма сюжетов «Сильмариллиона» и «Властелина Колец» выявил специфическое, вероятно, чрезвычайно редкое построение сюжетной взаимосвязи произведений. Повтор здесь является самостоятельным способом формирования контекста. Не контекст становится фактором изменения функции, роли сюжета, а сам сюжет – его повторное возникновение в произведении – влияет на контекст, привнося в него свое значение. В результате возникает особый тип композиции, в которой при отсутствии формальных различий факт повторения уже имевшегося сюжета заключает в себе огромный семантический комплекс, связанный с феноменом повторения события в архаическом сознании.

Повторяющиеся сюжеты – частое, если не сказать, регулярное явление в творчестве Толкиена: они связывают воедино цикл произведений об Арде. «Властелин Колец» фактически является повтором «Хоббита» с точки зрения сюжета. Поэтому исследовать роль сюжетного параллелизма у Дж. Р. Р. Толкиена с теоретической точки зрения представляется перспективной литературоведческой задачей.

Список литературы

1. Мелетинский Е. М. Кельтский эпос // История всемирной литературы: В 8 т. М.: Наука, 1984.
2. Волшебные сказки и предания кельтов. Сказания Красного Дракона. М., 1996. Серия «Золотая Ветвь».
3. Мифы кельтских народов. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004.
4. Tolkien J. R. R. The Silmarillion. N. Y.: Ballantine Books, 1981.
5. Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. HarperCollins, UK, 2008.
6. БВЛ. Серия 1. Т. 8: Исландские саги. Ирландский эпос. 1973.
7. Кельтские мифы. Серия «Bibliotheca mythologica». Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
8. Шкловский В. Тетива. О несходстве сходного. М.: Сов. писатель, 1970.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
10. Кабаков Р. И. «Повелитель Колец» Дж. Р. Р. Толкина и проблема современного литературного мифотворчества // Библиотека журнала «Палантир». СПб, 2009.
11. Кулакова О. К. Авторское мифотворчество в жанре фэнтези // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2010. № 1. С. 189–194.
12. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / Пер. с фр. А. А. Васильевой, Ю. Н. Стефанова, Н. К. Гарбовского. М.: Ладомир, 2000.
13. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В. П. Большакова. М.: Академ. проект, 2010.
14. Чигиринская О. Бахтин и Толкиен: несостоявшаяся встреча. Днепрпетровск, 2010. URL: <http://heartofsword.eu/statya/bahtin-i-tolkien-nesostoyavshayasya-vstrecha>

E. A. Nesterova

Moscow, Russian Federation

SPECIFIC OF RECURRING PLOTS IN J. R. R. TOLKIEN'S WORKS

In the 20th century the repetition of plot, which previously took place in mythologies, where it is typical for one myth to occur in several variations, and existing in the form of vagrant plots

Аналитика сюжета

moves in the frames of one writer's creation. Tolkien in the Arda cycle uses the plot «love of a mortal man to an immortal princess». For mythological consciousness the repetition of something is a significant, specifically meaningful event. The analysis of the Arda cycle's works proves that recurring plot used by Tolkien introduces in the story a whole complex of archaic beliefs concerning the iteration of events. One of the functions of this mode is reconstruction of the archaic world view. The iteration works as a mean of shaping the context, although normally it is the context that influences the plot. In Tolkien's stories about Arda interrelation of plots functions as a special type of composition.

Keywords: J. R. R. Tolkien, fantastic literature, recurring plot, aspects of myth, M. Eliade, «Time of Origins», archaic consciousness, sacral iteration.

Nesterova Evdokia A. – postgraduate student, chair for literary theory, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; teorlit@philol.msu.ru; +7 (495) 939 36 48)